

Глушковский М. 2011. *Последний этап развития языкового и культурного контакта (на примере некоторых идиолектов молодого поколения польских старообрядцев сувальского и августовского регионов)*, в: Хорев В., Гжибовский С. и Волос М. (ред.), *Польско-русские языковые, литературные и культурные контакты*, Москва: Квадрига 2011, с. 60-71.

Михал Глушковский

(Университет Николая Коперника, Польша)

**ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО КОНТАКТА
(НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ИДИОЛЕКТОВ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ
ПОЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ СУВАЛЬСКОГО И АВГУСОВСКОГО
РЕГИОНОВ)**

Языковой и культурный контакт следует описывать не как постоянное, неизменяемое состояние, а как процесс, в котором можно выделить главные фазы. Начало контакта связано с социальными обстоятельствами, которыми чаще всего являются миграции. Вследствие проживания на одной территории двух групп, представляющих разные культуры и говорящих на разных языках, происходят изменения в языке и культуре находящихся в контакте обществ. Если статус групп неодинаков, влиянию подвергается прежде всего одна из них, функционирующая как культурное и языковое меньшинство. Основной этап контакта может продолжаться до нескольких столетий. За это время в контактирующих обществах появляются разные типы взаимодействия культур и языков. Конечная фаза контакта наступает тогда, когда неравенство взаимовлияний достигает момента, в котором одна из групп (меньшинство) настолько усвоила язык второй, доминирующей группы, что уже не нуждается в использовании своего родного языка¹ и считает доминирующую культуру своей.

О том, что язык и культура польских старообрядцев сувальского и августовского регионов находятся на грани окончательной фазы контакта свидетельствуют многие факты. Специалисты по языковым контактам и социолингвисты выделяют ряд симптомов, характерных для языкового сдвига, т.е. перехода от языка L₁ к языку L₂. На основании литературы предмета, Дж. Холдеман, исследующий языковую ситуацию старообрядцев в Пенсильвании, обратил особое внимание на следующие явления: а)

адаптацию структур языка L_2 в языке L_1 , б) редукцию структур языка L_1 , в) утрату языковых норм, г) функциональные ограничения, связанные с утратой традиционных сфер использования, д) редукцию регистров и стилей, е) чрезмерное количество заимствований, ж) низкую самооценку у носителей языка L_1 , з) смену языка религии с L_1 на L_2 , и) переход на язык L_2 в общении с домашними, й) отсутствие передачи языка между поколениями².

Проводимые до сих пор исследования эволюции диалекта польских старообрядцев сувальского и августовского регионов показывают, что большинство из перечисленных симптомов уже имеют место³. Социологические и этнологические наблюдения подтверждают, что языковой сдвиг в исследуемой общине сопрягается с изменениями в области культуры, а многие представители меньшинства ассимилировались⁴.

Д. Пасько обнаружила, что польские заимствования составляют всё большую часть лексики русского говора старообрядцев, и они затрагивают практически все сферы жизни, кроме религии⁵. Структурные изменения связаны прежде всего с синтаксическими и словообразовательными кальками из польского языка⁶. Общее количество изменений, произошедших в говоре польских старообрядцев, привели к состоянию, которое С. Гжибовский определяет как гибридизация - система, состоящая из диалектного формообразования и адаптированной польской лексики, идиоматики и фразеологии, а также многих польских синтаксических структур⁷. Функциональные ограничения, а также редукция регистров и стилей сопровождаются употреблением диалекта на уровне только ограниченного кода, что, по Б. Бернштейну, связано с сокращением лексических и синтаксических ресурсов и укоренением высказываний в контексте⁸.

Однако пока не все перечисленные Дж. Холдеманом признаки, свидетельствующие о языковом сдвиге, имеют место в языке общины польских старообрядцев сувальского и августовского регионов, или связано со сменой поколений. Хотя престиж традиционного говора постоянно снижается, а его употребление вызывает у некоторых, в частности молодых старообрядцев, низкую самооценку, большинство представителей общины относится к своему диалекту положительно или нейтрально⁹. Языком литургии неизменно остается церковнославянский, на котором ведутся все богослужения, а в высказываниях на темы, связанные с религией, не только на диалекте, но и на польском языке, встречаются церковнославянские заимствования. В общении с соседями и частично с домашними в старообрядческих деревнях Габове Гронды, и Бур около Августова, а также Водзилки к северу от Сувалок, до сих пор

преобладает прежде всего говор¹⁰. Наконец, в этих местностях традиционный говор передается детям непосредственно, и даже, если они его усваивают в ограниченной форме, многие из них со старшими родственниками и пожилыми соседями стараются говорить «по-своему»¹¹.

Вышеописанные явления затрагивают всех членов общины польских староверов в различной степени. Конечно, наиболее традиционными являются представители старшего поколения, которые всю жизнь провели в деревнях, работая на собственных подворьях. Они общались прежде всего с членами своей группы, а контакты с внешним миром и доминирующей культурой не были настолько интенсивными, чтобы разрушить или изменить их систему ценностей и норм. Для общего характера двуязычия и отношения к традиционной культуре среднего поколения главное значение имел выбор жизненного пути после окончания школы, что было связано с местом проживания. Те, кто продолжали образование в городах и находили в них работу после окончания учебных заведений, чаще всего ассимилировались в культурном и языковом смысле с польским окружением, в то время как судьбы их сверстников, которые остались в деревнях можно сравнить со старшим поколением. Наиболее разрозненно в этом смысле молодое поколение, так как жизненные пути его представителей сильно отличаются друг от друга. Поэтому переход от двуязычия к одноязычию и от двукультурия к однокультурию лучше всего наблюдать на примере молодых старообрядцев. В эволюции их языкового поведения и культурного самоопределения наблюдается последняя фаза языкового и культурного контакта.

Из-за очень разнообразного языкового поведения и чувства этнической идентичности молодых старообрядцев, последних следует рассматривать не как на относительно однородную группу, а как на совокупность отдельных индивидов, которых объединяют прежде всего вероисповедование и общее происхождение, в то время, как остальные критерии оценки их языковой ситуации различны. Для такого описания вопроса нужны соответствующие теоретическая база и теоретический аппарат, включающий в себя понятие идиолекта. В настоящей статье, вслед за У. Вайнрайхом, термин «идиолект» понимается как «набор языковых поведений индивида в данное время»¹². В этом же значении названный термин довольно часто употребляется в диалектологических исследованиях, посвященных быстро изменяющимся говорам¹³.

Наши исследования охватывают 48 молодых старообрядцев сувальского и августовского регионов¹⁴. У этих информантов можно выделить несколько типов

идиолектов, которые представляют нижеописанные примеры, рассматриваемые с целью выяснить актуальное состояние языкового и культурного контакта в исследуемой группе. Все типы объединяет наличие интерференции в диалектной речи, а также основные ее проявления. Итак, в говоре молодых старообрядцев встречаются множественные адаптированные и неадаптированные заимствования из польского языка, синтаксические и словообразовательные кальки, а у некоторых также фразеологические и семантические кальки¹⁵, т.е. такие же изменения, которые наблюдаются в речи старшего и среднего поколения, только в большей степени.

Первый тип (I) можно определить как ограниченный билингвизм информантов зрелого возраста в гомогенном сельском окружении. Представляющий его информант М-1974¹⁶ проживает в старообрядческой деревне Бур около Августова. Он с детства говорил «по-своему» и во всех контактах в пределах родной деревни употреблял говор. Первым серьезным контактом с польским языком было для него начало учебы в школе. настоящее время он хорошо владеет в его северо-восточным вариантом польского языка¹⁷, на котором он говорит на работе в городе (он каменщик-бетонщик). Говору информанта М-1974 присущи все типичные проявления лексической и синтаксической интерференции. Он владеет диалектом на уровне ограниченного кода, а более сложные конструкции заимствует из польского языка (развитый код). Ограниченность говора в его идиолекте вызвана характером контактов в деревне: после работы он общается с товарищами и родственниками, в разговорах с которыми повторяются одни и те же схемы. Информант положительно относится к языку, традициям и культуре своей группы. Как показывают лонгитудинальные (продольные) диалектологические и социолингвистические исследования, двуязычие М-1974 стабильно в своей современной форме и не предсказывает языкового сдвига, а он сам не меняет отношения к старообрядчеству. Такой тип билингвизма свойственный многим сельским старообрядцам, родившимся в 1970 годах. Состояние их идиолектов и двуязычия не предполагает быстрого сдвига в области языка и культуры, поскольку они передадут говор и традиции своим детям.

Представляемый информантом М-1977 второй тип (II) двуязычия - развитый, и характеризуется не только употреблением сложных синтаксических конструкций и богатой лексики, но и сохранением многих, даже редких диалектных фонетических, лексических и грамматических форм. Например, в языке М-1977 довольно часто встречается произношение безударного *и* в префиксах и предлогах как *ν*: *я вмею; в меня*, или такие лексемы как: *кадасте* ('когда-то'), *хворый* ('больной'), *баркан*

(‘морковь’). Примером диалектных проявлений в области морфологии являются личные и указательные местоимения *йон, яна, етот: яна вредная была; не менять етого* или выравнивание основ в 3 лице е.ч. глагола *мочь – может: там может бес купаться*¹⁸. Из-за хорошего владения обоими языками носителем, этот тип двуязычия близок амбилингвизму, т. е. полному двуязычию, когда индивид владеет в равной степени языком L₁ и L₂¹⁹. Информант М-1977 воспитывался в старообрядческой семье, в которой основным языком был местный диалект, а польский стал чаще употребляться в школьном возрасте, но в деревне по-прежнему говорил «по-своему». Пока информант учился, он работал по хозяйству у своих родителей. И даже когда после окончания школы он начал подрабатывать в городе, этот факт не повлиял на его чувство групповой идентичности. Из-за владения диалектом на уровне развитого кода и уважительного отношения к старообрядческому вероисповедованию, языку и обычаям, его пример можно считать особым. Но есть и другие, немногочисленные молодые старообрядцы, идиолекты которых можно приписать ко второму типу двуязычия. Эти информанты чаще всего передают веру, обычаи и диалект своим детям, т.е. противодействуют языковому и культурному сдвигу.

Третий (Ш), сильно распространенный в описываемой группе тип идиолекта, представляет информантка К-1989. Она воспитывалась в старообрядческой семье, в которой все говорили на диалекте. Одновременно с традиционным говором она усваивала польский язык. С матерью, братьями и сестрами она говорила по-польски, а с бабушками и дедушками «по-своему». Однако чем больше усиливался ее контакт с польским языком во время школьной учебы, тем реже она использовала говор. Причиной такого поведения, с одной стороны, была недостаточная компетенция в области традиционного диалекта и его функциональное ограничение в ее идиолекте в рамках диглосии, а с другой стороны низкая оценка говора как такового и стремление к доминирующим ценностям и нормам. Во время учебы в школе, особенно в период взросления, только сильно уверенные в себе молодые люди умеют защищать системы ценностей, отличающиеся от общих. В этот период молодой человек старается быть похожим на сверстников²⁰, а другой язык и традиции не способствуют этому. Только те представители меньшинства, у которых есть особые причины уважения для групповых ценностей, в том числе и языка, могут их противопоставить доминирующей культуре, в то время как нейтральное и отрицательное отношение ведут к быстрой ассимиляции и языковому сдвигу. Информантка К-1989 до сих пор старается говорить со старшими старообрядцами на диалекте, но в разговорах с молодыми, или в присутствии лиц из

вне общины, она стесняется традиционного говора. Ее пример типичен для многих молодых староверов, которые жили в деревне и в детстве употребляли и русский говор, и польский язык, но без специальной связи с традицией и вероисповеданием. Вследствие же интенсивного контакта с польским окружением во время учебы и работы в городе, они стали ассимилироваться в культурном и языковом смысле, но считают себя представителями религиозного меньшинства. Из-за молодого возраста информантки К-1989 трудно прогнозировать, передаст ли она язык и обычи своим детям. Пока же все факты свидетельствуют в пользу того, что она и другие молодые староверы, представляющие III тип идиолектов, находятся на грани языкового и культурного сдвига.

Четвертый (IV) тип идиолекта можно определить как вторичное одноязычие людей зрелого возраста, связанное с отрицательным отношением к диалекту как таковому и старообрядческим традициям. По имеющейся у нас информации, отсутствие уважения к групповой традиции не переносится на вероисповедование, хотя информанты представляющие этот тип билингвизма не проявляют большой активности в религиозной жизни общины. Информант М-1981, который в настоящее время старается открыто показать свое равнодушие к языку и традициям предков, воспитывался в деревне, в старообрядческой семье и со старшими родственниками и соседями говорил «по-своему». После окончания школы М-1981 продолжал учебу в городе и общался прежде всего с представителями доминирующего большинства. Чтобы занять хорошую позицию среди сверстников он намеренно проявлял равнодушие к старообрядческим обычаям и стыдился русского говора. Если в третьем типе влияние польского окружения приводило молодых староверов к нейтрализации в проявлении собственной культуры и закрытию этнического отличия в пределах родной деревни, в случае информанта М-1981 стремление к ассимиляции вызывает отрицательную оценку обычаев и языка предков. Такой подход ведет непосредственно к языковому и культурному сдвигу целой общины. IV тип относится прежде всего к молодежи и взрослым, так как дети обычно подражают родителям и только в период взросления вырабатывают свой личный подход к языку и культуре общины (положительный или отрицательный).

Информантка К-1997, проживающая в Габовых Грондах, представляет пятый тип (V) идиолекта – развитый билингвизм детского возраста. Все члены ее семьи старообрядцы, а языком домашнего общения является русский говор. Родители информантки из-за большого количества работы в собственном хозяйстве не

принимают особо активного участия в культурной и религиозной жизни общины, но они положительно относятся к старообрядчеству как таковому и поощряют участие детей в службах в моленной. Благодаря постоянному контакту с диалектом, польский язык не вытеснил его из идиолекта К-1997. Хотя она в школе, с подругами из других деревень, с братьями и сестрами говорит по-польски, но в общении с родителями, бабушкой или соседями среднего и старшего возраста всегда выбирает диалект. Для двуязычия информантки характерно не только владение говором на уровне, близком развитому коду, но и сохранение многих диалектных черт, которые исчезли в идиолектах типов I, III и IV, а также VI. Несмотря на молодой возраст информантка употребляет глагольные формы с протетическим гласным *i* в начальном слоге, напр. *ирвать: она ирвала*. На уровне формообразования ярким примером явления, присущего говору староверов является отождествление форм родительного и дательного падежа I склонения: *занесла бабушки* или *купила брансолетку* ('браслет') *сестры* (дат.). О распространении вышеописанных форм в исследуемой нами общине в 1950-1960 годах писала И. Грек-Пабис²¹. Наличие форм, присущих старообрядческому говору в идиолекте двенадцатилетней девочки, можно объяснять их частой употребляемостью в языке ее родителей. Остальные дети и подростки, представляющие V тип идиолекта, также часто общаются со старшими членами семьи, которые хорошо усвоили и сохранили диалектные формы. Этот тип идиолекта свидетельствует о преемственности языка меньшинства поколениями. Но из-за сильного влияния польского языка русский диалект все больше отдаляется от исходной точки – средневеликорусского говора окрестностей Великих Лук, Новгорода и Пскова. Различия в наличии заимствований, особенно в неадаптированной форме не позволяют классифицировать идиолект К-1997 и других информантов, представляющих V тип, как вариант развитого двуязычия типа II. Неизвестно, как будет развиваться идиолект информантки К-1997, когда она будет продолжать образование в городе в школе с общежитием и в перспективе во взрослой жизни, когда влияние польского окружения значительно усилится. Пока информантка принимает участие в культурной и религиозной жизни общины, что составляет альтернативную систему ценностей для доминирующей культуры и помогает ей сохранить язык предков, но такая ситуация может измениться.

Последний, VI тип идиолекта, отличается от типов I – V местом жительства информантов, которые его представляют. Все до сих пор описанные примеры касались молодых староверов, проживающих в деревне или происходящих из деревни, в то время, как представляющая VI тип информантка К-1976 живет в городе среди поляков.

Этот тип можно определить как неполный билингвизм, имеющий место как у взрослых людей, так и у детей. К-1976, как и многие другие представители молодого поколения из городов (прежде всего из Сувалок и Августова), воспитывалась в старообрядческой семье, сохраняющей вероисповедование предков, но в другом языковом окружении. По-польски говорили не только соседи информантки, но и ее родители, которые знали русский говор, но дома употребляли только польский язык, а во время молитвы – церковнославянский. К-1976 имела контакт также с диалектом. Когда приезжала к родственникам в деревню, они обращались к ней и к ее родителям на старообрядческом диалекте. Благодаря этому она усвоила язык предков в основном пассивно, и в ограниченной форме также активно. К-1976 и другие информанты, представляющие VI тип идиолекта, принимают участие в религиозной жизни общины и считаются ее членами, но их старообрядчество в значительно меньшей степени связано с традициями, обычаями и русским говором. В интервью с исследователями из Торуня информантка К-1976 подчеркивала, что для нее очень важно сохранить веру предков и передать ее своим детям, а диалект как таковой и элементы материальной культуры староверов не имеют для нее большого значения. Несмотря на слабое знание говора, носителей идиолекта VI типа следует рассматривать как двуязычных, потому что представляющие его информанты периодически используют диалект, а кроме того они часто знают также литературный вариант русского языка²². Их идиолекты являются доказательством неизбежности языкового и культурного сдвига, который свидетельствует об ассимиляции меньшинства в языковом и культурном аспектах, а не в религиозном. Однако исследования показали, что у многих городских старообрядцев и их детей возникает интерес к традициям предков; они покупают традиционную одежду, интересуются публикациями, посвященными старообрядчеству. Эти интересы вряд ли приведут к возрождению говора и обычаев, но могут помочь сохранить память о них для следующих поколений.

Приведенная типология идиолектов, учитывающая также отношение информантов к культуре их группы, не исчерпывает всего разнообразия языкового поведения молодых старообрядцев и многообразия проявлений их чувства идентичности, и представляет наиболее распространенные их типы. Среди названных типов только I и II не способствуют языковой и культурной ассимиляции, в то время как в остальных случаях²³ сдвиг уже совершился или может совершиться в обозримом будущем. Учитывая, что первые два типа относятся к старшей молодежи, в настоящее время находящейся на рубеже молодого и среднего поколения, можно прийти к выводу, что

большинство старообрядцев в возрасте до 30 лет ассимилируется с польским окружением. Из прежних показателей групповой принадлежности (язык, традиции, материальная культура) они сохраняют лишь религию, вследствие чего из этнически-культурно-религиозно-языкового меньшинства староверы превращаются в меньшинство религиозное. В этом случае языковой контакт ограничивается сферой литургии. И если религию рассматривать как составную часть культуры, то можно говорить и о некоторой форме культурного контакта. Эти изменения и свидетельствуют о том, что они вступили в конечную фазу. Примеры наших информантов показывают, что сохранение говора связано с положительным отношением к старообрядческой традиции и проживанием в гомогенном сельском окружении. Участие в религиозной жизни общины помогает сохранить диалект, но не гарантирует этого. Это прослеживается на примере идиолектов VI типа и молодых старообрядцев, проживающих в городах. Русский говор и старообрядческие традиции свойственны деревне староверов, в то время как вероисповедование оказалось более универсальным и менее подверженным влиянию времени.

¹ См. *Weinreich U.* Languages in contact, the Hague 1963 (1953), с. 106-108.

² *Holdeman J.*, Language Maintenance and Language Shift Among the Russian Old Believers of Erie, Pennsylvania, неопубликованная кандидатская диссертация, Ohio 2002, с. 14-15.

³ *Гжибовский С., Глушковский М.*, Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур (Польша), [в:] Русские старообрядцы: язык, культура, история, Сборник статей к XIV Международному съезду славистов, под ред. Л. Л. Касаткина, М., 2008, с. 200-214; *Paško D.*, Funkcjonowanie rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru w warunkach dwujęzyczności polsko-rosyjskiej, неопубликованная кандидатская диссертация, Toruń, 2008; *Глушковский М.*, Функционирование старообрядческого говора в Польше на примере одного идиолекта, „Die Welt der Slaven” LV, 2/2010 (в печати).

⁴ *Gluszkowski M.*, Miejsce religii i sacrum w życiu mieszkających w Polsce staroobrzędowców, „Literatura Ludowa” 6/2009 (в печати).

⁵ *Paško D.*, Указ. соч., с. 119-140.

⁶ Из-за редукции языковых регистров и стилистических ограничений диалекта польских старообрядцев, семантические кальки встречаются относительно редко, в то время как редкость проявлений морфологических калек связана с высокой прочностью диалектной флексии.

⁷ См. *Гжибовский С.*, Русский островной говор в польском языковом окружении, в этом томе.

⁸ *Bernstein B.*, Socjolingwistyka a społeczne problemy kształcenia (1972), [в:] Język i społeczeństwo M. Głowiński (ред.), Warszawa 1980, с. 96-108; *Gluszkowski M.*, Typy przełączania kodu w rosyjsko-polskiej dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego, „Slavia Orientalis” 1/2010 (в печати).

⁹ *Gluszkowski M.*, Znaczenie prestiżu języka a pokoleniowe zróżnicowanie poziomu interferencji w polszczyźnie staroobrzędowców w warunkach rosyjsko-polskiego bilingwizmu z dyglosją, „LingVaria” 2/2009, с. 75-80.

¹⁰ *Gluszkowski M.*, Dyglosja w społeczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego, „Socjolingwistyka” (в печати).

¹¹ Так старообрядцы называют свой диалект.

¹² *Weinreich U.* Is a Structural Dialectology Possible (1954) [в:] Readings in the Sociology of Language *J. Fishman* (ред.). The Hague 1968, с. 306.

¹³ См. *Баранникова Л.*, К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта [в:] Вопросы социальной лингвистики, под ред. А. В. Леснической, В. М. Жирмунского, Л. С. Ковтуна (ред.), М. 1969, с. 314-343; *Нефедова Е. А.*, Идиолект как источник диалектного варьирования [в:] Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII) под ред. Л. Л. Касаткина, М. 2002, с. 251-262.

¹⁴ Исследования проводились сотрудниками, аспирантами и студентами Института Славянской Филологии Университета Николая Коперника в Торуне в гг. 1999-2009 в более 40 местностях северо-восточной Польши.

¹⁵ Шире о типах интерференции в диалекте польских старообрядцев см. *Гжибовский С.*, Указ. соч., *Paško D.*, Указ. соч.

¹⁶ В символе информанта закодирован его пол (мужской) и год рождения. Хотя в настоящее время по возрасту М-1974 принадлежит скорее к среднему поколению, здесь его идиолект рассматривается в группе молодых староверов, так как исследователи первые интервью взяли у него в 1999 году, когда ему было лишь 25 лет.

¹⁷ В польских высказываниях молодых староверов можно заметить проявления интерференции, связанные с влиянием говора, но они немногочисленные.

¹⁸ Эти явления как свойственные говору польских старообрядцев описывались И. Грек-Пабис несколько десятков лет тому назад. См. *Grek-Pabisowa I.*, Rosyjska gwara staroobrzędowców w województwach olsztyńskim i białostockim, Wrocław 1968, с. 68; 122; *Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.*, Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce, Wrocław-Warszawa-Kraków 1980.

¹⁹ Дефиниция за *Halliday M.A.K.*, The users and uses of language (1964) [в:] Readings..., указ. соч., с. 141.

²⁰ *Cooley Ch. H.*, Grupy pierwotne [в:] Cooley, Mucha J. (ред.), Warszawa 1992: 210-211; *Znaniecki F.*, Socjologia wychowania. Tom I i II, Warszawa 200, с. 84; 90.

²¹ *Grek-Pabisowa I.*, Указ. соч., с. 54; 90.

²² Знание русского языка свойственно особенно старшим представителям VI типа, которые ходили в школу в 1980 гг., когда русский язык обучался как иностранный во всех основных и средних школах.

²³ Исключением является тип V, так как он относится к детям, которых отношение к диалекту и культуре может измениться.